

Елена Глушенко

Девушек старше 35
просим
не беспокоиться

Елена Владимировна Глушенко

Девушек старше 35

просим не беспокоиться

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

«– Как это – «стриги»? – испугался Лёва. – Я же здесь всего третий день. Я же еще теорию не освоил!

– А чего тут осваивать? – деловито поинтересовалась наставница, коренастая дама средних лет с короткими черными волосами, переходящими на концах в красные. – Теория – это одно, а практика – совсем другое. Стриги, давай.

«Суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет», – засмеялся Мефистофель голосом Гаврилыча.

Лёва, находясь в полуобморочном состоянии, позволил подвести себя к креслу, где, томясь от скуки, меланхолично жевал резинку худосочный клиент неопределенного возраста. Ему могло быть лет восемнадцать, а могло и все двадцать пять.

Трясущимися руками Лёва закрепил воротничок на куриной шее своей жертвы и замер.

– Молодой человек, мы стоять будем или работать? – сурово спросила наставница.

– Работать, – с трудом выдавил из себя Лёва.

– Надюсик, подойди к нам, пожалуйста, – позвали из дальнего угла салона.

– Момент, – отозвалась наставница и отчалила.

Лёва затравленно посмотрел ей вслед, а потом перевел взгляд на отражение клиента в зеркале прямо перед собой.

– Все в танк. Начинаем взлет, – сказал клиент.

«О, Господи!» – подумал Лёва»

Содержание

Действующие лица:	6
17-е октября	7
Все. Уведомление	7
Алла. Разговор с дочерью	12
Лариса. Прогулка с Прохором	19
Лёва. Мама смотрит ТВ	23
Мария Спиридоновна. Рыдаем	26
Ксюша. Родители в курсе	28
17-е ноября	29
Все. Читаем «Вакасии»	29
Алла. Ждем незнакомца, чиним кресло	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена Глушенко

Девушек старше 35

просим не беспокоиться

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Ну, женщины делятся сразу на молодых и остальных.
«Птичий полет», М. Жванецкий*

Действующие лица:

- Алла Кравченко
- Варвара, дочь Аллы
- Крендель, кот Варвары
- Лариса Зубова (Лорик)
- Бурильщик Зубов, муж Ларисы
- Лелек и Белек, Иннокентий Петрович, дети Зубовых
- Прохор, такса Зубовых
- Лев Аркадьевич Штерн (Лёва)
- Роза Семёновна, мама Лёвы
- Мария Спиридоновна
- Ксения
- Таинственный незнакомец
- Гаврилыч

17-е октября

Все. Уведомление

– Ну и что теперь? – спросила Лариса, как только закрылась дверь за инспекторшей из отдела кадров.

Все, как по команде, посмотрели на Марию Спиридоновну.

Начальница абонентского отдела, стоявшая у окна, нахмурила брови, изобразив крайнюю степень обеспокоенности. Но через несколько секунд черты ее обмякли, она ойкнула и схватилась за сердце. Алла подхватила ее под руку с левой стороны, Лёва – с правой, и вдвоем они не без труда усадили грузную Марию Спиридоновну на стул.

Лариса лихорадочно вытряхивала в кружку валокордин. Ксюша махала папкой с отчетами, создавая необходимое движение воздушных масс.

Наконец, Мария Спиридоновна порозовела и, придя в себя, обвела затуманенным взглядом подчиненных.

– Ну, вот и дождались, мои золотые.

Голос ее дрогнул. Она поднесла руку ко рту, пытаясь удержать трясущиеся губы.

Подчиненные шумно задышали. Алла и Лариса полезли в сумки за носовыми платками. Лёва, презрев условности, вы-

тер под носом рукой. Лишь Ксюша сохранила свое обычное спокойствие.

Этот день настал. Революция, о необходимости которой так долго... Короче говоря, в связи с реорганизацией абонентский отдел «Томгортрансоблгаза» ликвидировался.

Первые слухи о возможном сокращении штата поползли примерно полгода назад, когда стало известно о наглых действиях конкурентов из соседней области. После того как новосибирцы откусили от «Томгортрансоблгаза» самый лакомый кусок – обслуживание юридических лиц – стали поговаривать, что та же участь ждет и работу с физическими лицами. Слухи росли, ширились, обрастали новыми подробностями, пока в них не поверили все, кроме тех, кого они непосредственно касались.

Наконец, и обитатели 216 кабинета смирились с грядущим концом света. И только их начальница продолжала тешить себя иллюзиями.

Мария Спиридоновна искренне полагала, что давнее личное знакомство с главным бухгалтером упасет от сокращения старейшего работника организации. Некоторые сомнения у нее все же появились, когда главбух внезапно взяла две недели в счет отпуска и исчезла в неизвестном направлении. Но Мария Спиридоновна, укорив себя в малодушии, отбросила сомнения прочь.

Гром грянул во вторник 17-го октября в 15 часов 26 минут.

Нахальная девица из отдела кадров в вызывающе-красной мини-юбке под роспись уведомила сотрудников абонентского отдела о предстоящем сокращении и имела наглость предложить присутствующим попробовать себя в должности контролера, сторожа или дворника – на выбор.

Возмущение столь унижительной ситуацией, растерянность и страх перед будущим достигли критической точки, но обитатели 216 кабинета до поры до времени сдерживали свои эмоции. И лишь когда инспекторша захлопнула за собой дверь, они позволили себе высказаться.

Позволили, но не высказались. Потому что говорить, собственно, было не о чем.

Все, что можно, они уже давным-давно обсудили – вслух и про себя, кулуарно и коллективно, дома и на работе. Можно было, конечно, снова начать возмущаться и сотрясать воздух, сетуя на несправедливость и безжалостность начальства, для которого «люди – что пешки».

Можно было даже пойти с петицией к этому самому начальству и покачать права, но все понимали, что это бесполезно. И даже Ксюша уяснила разницу между банальным сокращением кадров и ликвидацией целого подразделения.

Ведь если бы в конторе готовилось просто сокращение, скажем, одного из пятерых, то тогда, конечно, можно было бы оспорить решение начальства и попытаться доказать, что именно тебя не должны увольнять – в силу высочайшей квалификации или наличия иждивенцев (не меньше двух). И

тут, не исключено, начались бы такие интриги, такие подковерные игры, что только держись.

Но когда ликвидировался отдел – весь, целиком – ни у одного из его сотрудников не было ни малейшего шанса зацепиться за свой стул. Ну, если, конечно, не пойти в контролеры. Или дворники.

Общая беда чудесным образом сблизила и без того достаточно дружных обитателей 216 кабинета.

В последние дни сотрудники абонентского отдела были как никогда бережны и внимательны друг к другу и особенно к своему руководителю. Даже Ксюша старалась не красить ногти в рабочее время, а укладываться в обеденный перерыв.

Долгие годы Мария Спиридоновна железной рукой управляла своим маленьким коллективом. Привыкшие во всем полагаться на начальницу, ее подчиненные и на этот раз с надеждой ожидали ценных указаний, способных изменить ситуацию к лучшему.

Увы, впервые в жизни Мария Спиридоновна была бессильна.

Когда после валокордина сердце чуть-чуть отпустило, а губы перестали трястись, она взяла себя в руки и твердым голосом потребовала сигарету.

С учетом того, что Мария Спиридоновна не курила, ее требование произвело эффект разорвавшейся бомбы. Через несколько секунд коллектив вышел из ступора, и Алла, которая не курила официально, стыдливо полезла в сумку за

пачкой Мальборо-лайт.

Прикурив, не закашлявшись, выпустив в потолок ровную струю дыма и вызвав смутные сомнения в умах подчиненных, Мария Спиридоновна задумалась.

Все молчали. Алла воспользовалась случаем и тоже закурила, радуясь тому, что в кои-то веки не нужно мерзнуть на лестничной клетке, пряча сигарету за спину.

Через минуту к пачке Мальборо потянулась Лариса, а вслед за ней закурил и Лёва. И только Ксения противопоставила себя коллективу, не попросив сигарету. А ей никто и не предложил. Мала еще.

Мария Спиридоновна затушила окурок в кружке с остатками валокордина и суровым взглядом посмотрела на подчиненных – не на кого-то конкретно, а на всех сразу. Она это умела.

– Значит так, – сказала она. – С этой минуты каждый сам за себя.

Алла ахнула. Лёва подавился дымом.

– Да-да, мои дорогие, – подтвердила Мария Спиридоновна, – именно так. Помочь нам в этой ситуации никто не может, так что выплываем поодиночке. Ну, а что касается меня... – тут она мстительно усмехнулась, – то хрен я уйду просто так. Я им еще попою кровушки.

Она потрясла в воздухе сжатым кулаком, и все сразу поверили, что те, что наверху, еще попляшут.

...

Алла. Разговор с дочерью

В коридоре пахло умопомрачительно.

Алла повесила пальто на крючок, поставила сапоги в угол и пошла на запахи.

Варвара готовила очередное домашнее задание. Крендель сидел на кухонном столе и внимательно следил за процессом. Время от времени он как бы незаметно вытягивал толстую лапу с выпущенными когтями и пытался зацепить хоть что-нибудь, хоть сырную корочку, но Варвара шипела на него, и он послушно отдергивал лапу.

– Всем привет, – сказала Алла и забилась в угол кухонного дивана.

– Привет, мамуль, – обернулась Варвара.

Крендель тяжело спрыгнул со стола и подошел поздороваться с хозяйкой, подергивая пушистым хвостом, загнутым в кольцо, как у заправской лайки. Необычная форма хвоста и подсказала Варваре мысль, как назвать маленького тощего котенка, отбитого ею у соседских пацанов.

В то время ей было всего восемь, но уже в таком юном возрасте она проявляла небывалую силу духа. Когда Алла со всей возможной твердостью заявила, что блохастому коту нет места в их доме, Варвара, не сказав ни слова в ответ, молча начала собирать свои вещи.

Через полчаса на вопрос матери: «Куда это собираешь»

ся?» – она кратко ответила: «Мы с котиком будем жить в подвале».

Еще через полчаса Алла сдалась и, выловив котика из-под дивана, пошла в ванную отмывать нового члена семьи.

Так их стало трое.

Мужа у Аллы не было, и даже Лора, сотрудница и ближайшая подруга, не знала, а был ли мальчик. Алла не любила вспоминать прошлое, предпочитая сосредоточиться на настоящем, которое заключалось в дочери, студентке торгово-экономического института, и огромном рыжем коте.

Правильно кастрированный в правильное время, Крендель не утратил интереса к жизни вообще и к женщинам в частности. С годами он становился все тяжелее, однако продолжал летом гонять глупых голубей, выпрыгивая из окна кухни во двор. Запрыгивать назад на первый этаж у него с каждым разом получалось все хуже: не по причине прожитых лет, а из-за слишком толстого живота.

Растущий объем талии никак не сказывался на его характере – характер оставался бойцовским. Лариса неоднократно предлагала устроить показательный бой между ее таксой Прохором и Кренделем, но Алла с Варварой неизменно отказывались, хоть и были абсолютно уверены в победе своего питомца.

Крендель обнюхал хозяйкины ноги, запрыгнул на диван и улегся рядом, тяжело привалившись боком. Алла рассеянно гладила его по голове и почесывала между ушами. Кот повово-

рачивал голову, подставляя под руку нужные места.

– А нас все-таки сокращают, – сказала она в спину дочери, которая, упершись руками в согнутые колени, наблюдала за курицей, запекающейся в духовке.

Варвара не спеша выпрямилась и спокойно посмотрела на мать.

– Ну и отлично, – заявила дочь. – Наконец-то займешься делом.

Алла растерялась. Она шла домой с намерением если не поплакать, то хотя бы пожалиться дочери. Все-таки тебя не каждый день сокращают.

Но у той было свое видение происходящего.

– Мамуль, – сказала Варвара и села рядом с другого бока. – Я тебе сколько раз говорила, чтоб ты перестала заниматься ерундой? Много. Но ты меня не слушала.

Алла возмутилась:

– Между прочим, то, что ты так высокомерно называешь ерундой, дает мне стабильный заработок.

– Ой, я тебя умоляю! – закатила глаза Варвара. – То, что ты так высокопарно называешь стабильным заработком, не стоит того, чтобы тратить ради него лучшие годы жизни.

Варвара была девушка целеустремленная. В пять лет она умела чистить картошку, в семь – жарить яичницу. Первый борщ она сварила в десять лет, а в двенадцать заявила, что отныне цель ее жизни – открыть собственный ресторан.

К этой цели Варвара и направилась, намереваясь для нача-

ла получить диплом технолога общественного питания. Затем она собиралась стажироваться и повысить квалификацию в одном из лучших ресторанов города. Потом – стать шеф-поваром самого лучшего ресторана. И, наконец, открыть собственное дело.

Алла не сомневалась, что все именно так и произойдет. В ее зыбком и неустойчивом мире единственным островком надежности и стабильности являлась дочь.

Трудно сказать, почему Варвара была такой конкретной. То ли звезды так распорядились, то ли в генах имелась какая-то предрасположенность. А может, все дело было в том, что ее мать готовить не любила и не умела. Абсолютно.

Алла легко обходилась пельменями и варениками из кулинарии. Венцом же ее поварского искусства считался торт из готовых коржей, смазанных опять-таки готовым кремом.

Неизвестно, какого веса она достигла бы к сорока годам, если бы не дочь, которая в самом раннем возрасте отодвинула мать от плиты. Видимо, у Варвары была врожденная тяга к здоровому питанию.

К сожалению, готовила Варвара не только правильно, но еще и очень вкусно. Поэтому двойная порция овощного рагу, съеденная взамен одинарной порции пельменей, давала примерно тот же результат.

Чтобы удерживаться в вожаденном сорок восьмом размере, Алле приходилось периодически ограничивать себя в еде.

Зато Крендель ел, сколько хотел, и все, что хотел. Результат был, что называется, на лице. Точнее, на морде. При желании его вполне можно было запрягать в санки для перевозки небольших грузов на короткие расстояния.

– Ну и что мне, по-твоему, теперь делать? – поинтересовалась Алла.

– То, что любишь, – ответила Варвара. – Помнишь, как у Жванецкого? «...Мучился, оттого что всю жизнь делал не то, что хотел, а то, что обещал». Вот и хватит мучиться. Займись творчеством.

– Ты думаешь, нас это прокормит? – неуверенно спросила Алла.

– Нас прокормлю я, – безапелляционно заявила дочь. – А ты будешь заниматься своими стульями. Деньги придут сами.

Алла вздохнула. Хорошо бы ей обладать хоть капелькой той уверенности, которой с избытком было у Варвары. Тогда бы она смогла осуществить свою мечту и превратить хобби в профессию.

А если бы за это еще и платили прилично...

Она зажмурилась от разворачивающихся перспектив и с шумом выдохнула.

Варвара потянула воздух носом.

– Ты что – опять курила? – брезгливо спросила она и отодвинулась от матери. – Сколько раз тебе объяснять, что от сигареты ты ниже не станешь. Кстати, ты в курсе, что Кэме-

рон Диас такого же роста, как и ты, и абсолютно не комплексует? Так что успокойся, наконец, и прими себя такой, какая ты есть.

– Тебе хорошо говорить, – огрызнулась Алла. – Ты-то вон какая. К тебе мальчишки так и липнут.

– Это потому, что я считаю свой рост достоинством. Поэтому они и липнут. А ты считаешь свой рост недостатком. Поэтому к тебе никто не липнет. У тебя же на лице написано: «К нам не подходи, а то зарежем».

Алла промолчала. Тема была старая и заезженная до дыр.

Всю жизнь она страдала из-за своего высокого роста и неосознанно сутулилась, стараясь стать ниже. Иногда дочь стучала ее между лопаток, и Алла выпрямлялась, но ненадолго. Покуривать она начала еще в юности, вычитав где-то, что якобы от никотина замедляется рост. Рост не замедлился, вредная привычка осталась.

Самое интересное, что Варвара была на два сантиметра выше матери и совершенно этого не стеснялась. Она носила свои сто семьдесят шесть сантиметров красоты гордо и с достоинством. Удивительно, но рядом с ней комфортно себя чувствовали не только качки-баскетболисты, но и разные мелкие заморыши.

– Ладно, дети мои, – сказала Алла, выбираясь из-за стола. – Я пойду немножко полежу. А то сегодня день был такой нервный...

– А ужин?

– Да что ты! Какой ужин? Спасибо, конечно, золотце, но аппетита совершенно нет.

– Ну-ну, – хмыкнула Варвара, почесывая Кренделя за ухом.

И точно: не прошло и часа, как Алла прокралась на кухню и утешилась куриной ножкой в сырной корочке. А потом еще одной.

...

Лариса. Прогулка с Прохором

Лариса припарковала «Хонду» на автостоянке, выключила зажигание и откинулась на спинку сиденья, закрыв глаза. Вот было бы здорово посидеть так чуток, а потом открыть глаза и обнаружить, что все проблемы исчезли сами собой.

Через несколько минут она вернулась к действительности, выбралась из машины и пошла домой.

Завывания Прохора были слышны метров за триста и становились все громче по мере приближения к подъезду. Все ясно – никого нет дома. Лариса вздохнула и прибавила шаг.

Вот так всегда. Дети выпрашивают себе очередную игрушку, а потом мать начинает за этой игрушкой ухаживать. Так было и с белым мышом, который по счастью сбежал во время прогулки по балкону, и с рыбками, которые сдохли сами.

Прохор не сбегал и не сдыхал (тьфу-тьфу-тьфу!) и заботы требовал в сто раз больше. На недостаток внимания он отвечал порчей пультов от теле-аудио-видео-аппаратуры и прочей мелочи.

Лариса попыталась представить, что он изгрыз на этот раз. Вспомнила про новые, ни разу не надеванные сапоги, по глупости оставленные в кресле, и помчалась к подъезду, перемахивая через лужи.

Стоковавшийся пес встречал ее в коридоре, трясясь от

возбуждения. Он так хотел в туалет, что даже не прыгал.

Лариса, бросив сумку на кушетку, схватила поводок. Прохор просунул голову в ошейник и рванул с места. Лариса буквально вылетела в коридор, еле успев захлопнуть за собой дверь.

Первым делом, выскочив во двор, они пометили колеса чьей-то «Нивы», опрометчиво оставленной хозяином у подъезда. Прохор наслаждался, Лариса виновато озиралась.

Обычно они не позволяли себе подобных выходов и терпели до рожицы. Рожицей назывались жидкие кусты и несколько берез в центре микрорайона – место встречи окрестных собачников. Жильцы близлежащих домов возмущались, что их бессовестным образом лишили единственной зеленой зоны отдыха, но собачники игнорировали протесты, поскольку выгуливать собак больше было негде.

Наконец, Прохор отклеился от «Нивы» и потащил Ларису вдоль дома, попутно заглядывая во все углы в надежде поймать и порвать какого-нибудь зазевавшегося кота.

Силища у него была невообразимая, характер мерзкий, но все же он был одним из ее мужчин, и она любила это чудовище.

– Проща, не тяни так сильно – руку оторвешь, – попросила Лариса.

Он пропустил мимо обвислых ушей ее просьбу и повернул налево, к кустам. Там уже гонялись пудель из соседнего дома, совершенно безбашенный, и чья-то болонка, в другое

время, наверно, белая, но сейчас почти черная от грязи.

Лариса отстегнула поводок, и Прохор рванул болонке наперерез. Тут же к ним подскочил пудель, и вся эта компания, радостно гавкая, принялась носиться и кататься по грязи.

Подышав на замерзшие руки, Лариса сунула их в карманы куртки и похолодела.

Ключа от квартиры не было.

Ну точно! Она так торопилась вывести собаку, что забыла ключи в сумке. Теперь придется ходить под окнами, дожидаясь, пока кто-нибудь из детей не придет домой.

Теоретически близнецы уже должны были вернуться после тренировки, но как обычно задерживались. А вот Иннокентий Петрович появится только после восьми – у него шахматный кружок. Если близнецы будут и дальше где-то шляться, то у нее есть все шансы околеть если не от холода, то от голода.

Какая жалость, что муж на вахте! Когда он бывал дома, гулять с собакой становилось его обязанностью.

Бурильщик Зубов месяц работал на Крайнем Севере, а следующий месяц отсыпался и отъедался под неусыпным вниманием соскучившейся жены. Такой распорядок семейной жизни обеспечивал мир и покой в доме в течение многих лет и устраивал все стороны. Зарабатывал Зубов много, и Лариса вполне могла не работать и сидеть дома, о чем ей неоднократно и было говорено.

Но в том-то все и дело, что сидеть дома Лариса не хоте-

ла категорически. Три сына, собака, а временами еще и муж – этого было слишком много для ее хрупких плеч. А Лариса была девушка хрупкая. Хоть и не слабая, что тщательно скрывалось.

Она работала, потому что нуждалась в ежедневном общении и широком круге знакомств, который по возможности пыталась сделать еще шире.

Если Лариса у Аллы была единственной подругой, не считая Варвары, то Алла для Ларисы была всего лишь одной из многих, хотя и горячо любимой.

По этой причине Лариса никак, ну никак не могла остаться без работы! Ведь это означало быть заживо замурованной в четырех стенах.

В таких мрачных размышлениях незаметно пролетел час, и в какой-то момент, подняв глаза на свои окна, она увидела, что в кухне горит свет. Поскольку время шло к семи, напрашивался вывод, что близнецы все же вернулись с тренировки.

– Проща, ко мне! – позвала Лариса.

Пес, носившийся за невесть откуда взявшимся доберманом, остановился, как вкопанный, и замер, ожидая хозяйку. Вот такая это была собака: команду «Ко мне!» Прохор не выполнял, но по крайней мере и не пытался удрать.

Он позволил ей пристегнуть поводок и потянул Ларису домой.

...

Лёва. Мама смотрит ТВ

Лёва осторожно открыл дверь и на цыпочках вошел в квартиру, опасаясь разбудить маму, если та вдруг задремала.

Роза Семёновна не спала. Она смотрела по телевизору местную аналитическую передачу и изредка вступала в полемику с комментатором.

Лёва разделся и прошел в залу поздороваться. Мама подставила ему щеку для поцелуя.

– Нет, ты посмотри, что творится! – сказала она вместо приветствия. – Это куда же смотрят власти!

Через пять минут выяснилось, что Роза Семёновна до глубины души возмущена сокращением количества рейсов пригородного автобуса, увозившего горожан на садовые участки. У Штернов садового участка не было, но Роза Семёновна болела душой не за себя.

Лёва всю дорогу домой мучился, сказать или не сказать маме про грядущее сокращение, и так и не решил, как же все-таки поступить. Но сейчас, глядя на нее, он подумал, что не стоит говорить ей пока ничего. Она и так расстроена. Лучше подождать, когда она будет в более приподнятом настроении.

Хотя такой момент мог представиться не скоро – Роза Семёновна круглыми сутками смотрела телевизор и все увиденное пропускала через себя. А наше телевидение, ни мест-

ное, ни тем более центральное, не способствовало поднятию настроения.

В январе Лёве исполнялось тридцать семь лет, и ему это совсем не нравилось. Когда он думал о предстоящем Дне рождения, в голову лезли строчки из Высоцкого. Начало он не помнил, но окончание помнил хорошо (или ему так казалось): «Под эту цифру Пушкин подгадал себе дуэль, и Маяковский лег виском на дуло».

Вот это «лег виском на дуло» вспоминалось особенно часто. Лёва не собирался стреляться. Но, оглядываясь на прожитые годы, он с унынием констатировал, что к тридцати семи не достиг ничего и не стал ни Пушкиным, ни Маяковским.

Семьей он так и не обзавелся. «Я – старый дев», – шутил он про себя, опережая расспросы изредка встречаемых одноклассников и однокурсников.

Пытался жить отдельно и одно время снимал квартиру, но потом вернулся к маме. Почему? Надоело питаться всухомятку. Да и одинокие вечера в пустой квартире – неубедительная причина для самостоятельности.

«Никто не будет любить тебя так, как я», – часто повторяла Роза Семёновна и, наверно, была права.

Ну, кому он был нужен? Щуплый, невзрачный, близорукий. Из материальных ценностей – только старенькая «Ода», которую он очень любил и обижался, когда ее называли «Москвичом».

Потеря нынешней работы сама по себе была не страшна. Если честно, такую работу и потерять не жалко. О чем тут жалеть? О бесконечных разборках с населением, недовольным то качеством газа, то его количеством? Или о бесчисленных отчетах, никем не проверяемых и, похоже, никому не нужных?

Удручал сам факт сокращения – как апофеоз всего, венец никчемной жизни, которую впору было тоже сокращать.

Лёва постоял немного возле мамы, глядя в телевизор и не понимая ни слова, потом прошел в кухню, налил в рюмку теплой водки и одним глотком выпил.

...

Мария Спиридоновна. Рыдаем

Лифт не работал.

Поднявшись пешком на третий этаж, Мария Спиридоновна нехорошим словом назвала соседей, чей пацан опять просыпал мусор мимо мусоропровода.

Муж похрапывал в кресле, прикрывшись вчерашней газетой. И, конечно же, в раковине была гора немытой посуды.

Каждое из этих событий по отдельности совершенно не стоило того, чтобы расстраиваться. Но всё вместе – плюс то, что произошло сегодня на работе, – образовывало законченную картину конца мира. Хаоса.

Мария Спиридоновна села на диван и заголосила.

Муж, с перепугу взмахнув руками, как крылами, порвал газету и чуть не выпал из кресла.

– Манечка, солнышко! Да что случилось?

Он сбегал на кухню за стаканом воды, но Мария Спиридоновна пить отказалась.

Она оплакивала... Она не знала, что оплакивала. Ей просто было невыразимо жалко себя. А еще она горевала, что теперь уже не состоятся торжественные проводы на заслуженный отдых.

Достигнув пенсионного возраста и благополучно перевалив за него, Мария Спиридоновна продолжала работать, не поддаваясь на уговоры мужа и детей. Правда, в последние

годы здоровье ее стало ухудшаться, и она постепенно смирилась с мыслью, что рано или поздно ей все же придется уйти с работы.

Но одно дело уйти с высоко поднятой головой, закатив напоследок грандиозный прощальный банкет. Она уже обдумывала фасон вечернего платья и приглядывала подходящую ткань.

И совсем другое – быть выкинутой за ненадобностью. Как старый башмак. Вот что было особенно обидно.

В душе все больше крепло решение... нет, не бороться – она понимала, что это бесполезно – но хотя бы воспользоваться ситуацией. И выжать побольше денег из так подло поступившей организации, которой она отдала всю свою жизнь.

С паршивой овцы – хоть шерсти клок.

Муж не понимал всех этих тонкостей. Он, как ребенок, радовался тому, что совсем скоро по утрам ему уже не придется готовить себе завтрак.

...

Ксюша. Родители в курсе

Ксении не пришлось никому ничего объяснять. Родители уже все знали и ждали ее дома. И они уже решили, что делать дальше.

Так было всегда, и Ксюша знала, что так будет всегда. Поэтому она никогда не волновалась за свою судьбу.

В школу она пошла в ту, которую выбрала для нее мама – с углубленным изучением английского языка. В технологический институт ее устроил папа.

И не важно, что английский язык Ксюша так и не освоила. Так же как и специальность, по которой училась в институте.

Родители дружили с семьей главного инженера «Томгортрансоблгаза», поэтому с трудоустройством единственной дочери проблем тоже не возникло.

Ликвидация абонентского отдела явилась для них неприятной неожиданностью, но не больше. В самое ближайшее время должен был решиться один щекотливый вопрос, и тогда Ксения оказалась бы устроенной операционистом в крупный банк. Отсутствие экономического образования не смущало ни одну из сторон и Ксению меньше всего.

17-е ноября

Все. Читаем «Вакасии»

Потянулись тоскливые дни. По утрам абонентский отдел в полном составе являлся на работу – без опозданий, но и без энтузиазма.

Каждый делал свое дело, но при этом постоянно думал о том, что произойдет через два месяца...

Через полтора месяца...

Через месяц...

...

– Бабушка, где вы живете?

– Кулькова Пелагея Ильинична, – ответила махонькая скрюченная старушка, еле видимая из-за высокой стойки, отгораживающей посетителей от работников абонентского отдела.

– Адрес свой повторите! – гаркнула Лариса, теряя терпение. – Где вы живете?

– Ну, чего ты на нее кричишь? – устыдила ее Алла. – Она же не виновата, что ничего не слышит.

Лариса перегнулась через стойку, забрала у бабули показания счетчика и попыталась разобрать ее каракули.

Настроение у всех, кроме Ксении, было паршивое. Ксю-

ша, послав работу подальше, с железным самообладанием читала журнал «Космополитен».

Лёва из своего угла печально наблюдал, как бабушка учит Ларису рассчитывать льготы. Лариса пыталась спорить, но что толку спорить с глухим человеком? И она смирилась. Бабушка рассказала все, что знала про льготы, и принялась рассказывать про свою жизнь.

Лёва наблюдал такую картину множество раз. Сколько их было – таких стариков? Может, сотни, а может, и тысячи. Всеми забытые, никому не нужные. Разве их волновал газ? Да, конечно. Но гораздо сильнее им хотелось просто поговорить, потому что больше поговорить им было не с кем.

Лёва жалел всех стариков на свете. В какой-то степени он был таким же, как они – ему тоже, в сущности, было не с кем поговорить. Неужели придет день, и он, Лёва, станет ходить по разным организациям и учреждениям с одной лишь целью – пообщаться с живым человеком?

От этой мысли ему стало совсем плохо. Слава Богу, до такого еще не дошло. У него еще есть время, в течение которого он будет... А что, собственно, он будет делать?

Лёва представил, как до конца своей жизни он сидит в этом углу и наблюдает изо дня в день одно и то же, и впервые за последний месяц грядущее сокращение не показалось ему злом вселенского масштаба.

Наконец, бабушка ушла.

Лариса без сил рухнула на свой стул.

– Все, я больше не могу. Закрывайте дверь!

Оставалось три минуты до обеденного перерыва. Надо было думать, что делать дальше.

С Ксюшей все было ясно и без слов. Девушка дочитала «Космополитен», оделась и ушла на обед.

Марию Спиридоновну никто не видел с самого утра. Первые полчаса рабочего дня она посвятила расчистке письменного стола от бумажных завалов. Потом вышла из кабинета и растворилась в безвоздушном пространстве.

По всему выходило, что думать о своем будущем предстояло лишь ядру абонентского отдела: Алле Кравченко, Ларисе Зубовой и Льву Аркадьевичу Штерну.

В обеденный перерыв эта троица заперлась в кабинете и принялась изучать еженедельную газету «Вакансии», купленную Лёвой в киоске «Роспечати» по дороге на работу.

Алла вслух читала объявления. Лариса медитировала в кресле, Лёва делал ей укладку.

Это вышло как-то само собой – теперь уже никто не помнил, когда именно. Однажды, несколько лет назад, Марии Спиридоновне было приказано через полчаса явиться в кабинет директора на внеплановое совещание. Начальница абонентского отдела ударилась в панику – на голове было черт знает что такое.

Сначала Алла, потом Лариса безуспешно пытались уложить феном волосы Марии Спиридоновны, намоченные под краном в туалете. Когда состояние их начальницы стало при-

ближаться к критическому, Лёва отобрал фен и за оставшиеся пятнадцать минут сделал из головы Марии Спиридоновны голову Марии-Антуанетты – в смысле красоты, а не последующей гильотины.

Давно забылось, как прошло и чему было посвящено то внеплановое совещание. Но зато с того дня все знали, что Лев Аркадьевич может творить чудеса, и кое-кто этим бессовестно пользовался. Не будем говорить кто, хотя это была Лариса.

Лорик часто просила Лёву уложить её волосы, примявшись под шапкой, и он никогда не отказывал.

Алла тоже была бы не прочь воспользоваться его услугами, но почему-то стеснялась. К тому же она не представляла, как еще можно уложить ее длинные волосы, обычно собранные в узел.

– Слушайте, это не объявление, это просто песня, – сказала Алла. – «Предприятие ведет набор на несложную высокооплачиваемую работу». Это как?

– Возьми да позвони, – сонным голосом откликнулась Лариса.

– Ага. А вдруг там в сексуальное рабство забирают?

– По телефону не заберут. Читай дальше.

– Подожди. Найду еще что-нибудь интересное. Вот, например: «Требуется маляр по дереву, пьющих просьба не беспокоить». Это кто кого не должен беспокоить? Пьющий маляр? Или пьющего маляра?

– Слушай, кончай ерундой заниматься, – проснулась Лариса. – Читай нормальные объявления, а то отберу газету.

– Ну хорошо. «Требуется менеджер для работы с клиентами по телефону, девушка, до 35 лет, в/о, приятный голос». У меня приятный голос? – спросила Алла.

– Очень, – ответил Лёва, сосредоточенно наворачивая прядку на щетку фена.

Алла покраснела.

– Ну, все, – не выдержала Лариса. – Мое терпение лопнуло. Так я точно без работы останусь. Отдай газету. Лёва, спасибо!

– Секундочку, – сказал Лев Аркадьевич.

Он поправил Ларисе челку, сделав двумя пальцами – большим и указательным – ровный ряд прядочек. Отступил на шаг. Полюбовался своей работой и выключил фен.

Лариса взяла газету и принялась ее изучать.

– Так. Ну, посмотрим, что здесь нам предлагают. «Массажистки для работы в тайском массажном салоне, девушки, до 30 лет, без комплексов, обучение, трудоустройство». Хм... Жаль, что мне больше 30 лет, и у меня есть комплексы.

– У тебя есть Зубов, – напомнила Алла.

– Точно, – очнулась Лариса. – Что тут еще есть?.. «В торговую компанию требуется молодежь от 17 до 35 лет». Пролетаем. «В перспективную, развивающуюся компанию требуется оператор ПК, ж., до 35 лет, опыт работы, знание первичной бухгалтерии, 1С». Опять 35!

Она перелистнула страницу.

– Угу... Ерунда... Полная фигня... Лёва, а кто это тут фломастером обводил? Ты, что ли?

– Я, – смутился Лёва. – А что?

– Да как-то странно...

– А чего там такого странного?

– Ну, послушай сам. «Засольщик мясопродуктов». «Оператор автомата по производству колбас». «Раскатчик теста». Или вот – просто финиш: «Помощник составителя фарша». Лёва, ты каким местом думаешь? Желудком?

Лёва расстроился. Алле стало его жалко.

– Чего ты к нему привязалась? Просто человек беспокоится о хлебе насущном.

– Мы все беспокоимся о хлебе насущном. Но не так же явно!

Лёва надулся и принялся молча есть пирожки, заботливо приготовленные Розой Семеновной.

Через десять минут Лариса раскаялась и вымолила у него прощение, заодно выпросив пирожок.

...

Алла. Ждем незнакомца, чиним кресло

Ветер дул прямо в лицо. Снежинки лезли в глаза и кололи щеки. Можно было не мучиться, сесть в автобус и через десять минут уже быть дома.

Но Алла упрямо шла вперед. И тому была важная причина. Она хотела встретить Его.

Этого мужчину Алла впервые увидела примерно пару месяцев назад, в начале осени. Она шла пешком домой, рассеянно глядя перед собой и не думая ни о чем конкретном. В голове вертелись обрывки каких-то мыслей.

Внезапно она почувствовала на себе чей-то взгляд – тяжелый, цепкий. Алла подняла голову и уперлась взглядом в глаза мужчины, который шел ей навстречу. Он смотрел на нее в упор и, проходя мимо, до последнего держал ее в поле зрения. Это было так неожиданно, что она, вконец растерявшись, споткнулась и упала на четвереньки, зашвырнув сумку далеко вперед.

Берет сполз ей на глаза. И вообще вид у Аллы был наверняка самый дурацкий. Она больно ушибла коленку, но молилась лишь об одном – чтобы он не увидел ее позора. Он не увидел. Поднявшись на ноги, Алла оглянулась. Он уходил вдаль, не оборачиваясь.

С этого дня она примерно раз в неделю, а то и чаще, стала

встречать его по дороге домой.

Каждый раз он в упор смотрел на нее, не отводя глаз. А она каждый раз волновалась, увидит его или нет. А увидев, краснела, потом бледнела и забывала дышать.

Не то чтобы он был писанным красавцем. Вовсе нет. Но было в нем что-то... таинственное.

Алла обожала тайны и загадки. А поскольку воображение у нее, как у всякой творческой личности, было богатым, она с упоением придумывала своему незнакомцу разные истории – то с детективным уклоном, то с романтическим. Конечно, чаще с романтическим.

Иногда она представляла себе, как он однажды заговаривает с ней. Или спасает ее. Или она его. От падения на лед. Или от автобуса. В общем, вариантов была масса.

Это стало ее тайной, которой она не делилась ни с кем. Однако дочь что-то такое заметила.

– По-моему, ты влюбилась, – предположила как-то Варвара.

Алла промолчала, загадочно улыбаясь.

Сегодня она как всегда шла пешком с работы и внимательно вглядывалась в лица прохожих.

Но Его не было.

Такое случалось, но почему-то сегодня это расстроило ее сильнее обычного.

От огорчения она даже отказалась от ужина, о чем, впрочем, потом пожалела, но было поздно. Потому что на ужин

Варвара приготовила французский луковый суп-пюре. Нежный и легкий. Крендель оценил и потребовал добавки. Вдвоем с Варварой они приговорили суп, как нечего делать.

Алла в своей комнате раздумывала, стоит ли принимать-ся за очередное кресло. В плохом настроении шедевры не рождаются. С другой стороны, именно в таком настроении лучше всего сдирать старую обивку.

И она, вооружившись инструментом, принялась отдирать от дерева расплзающийся под руками гобелен.

Через некоторое время она уже забыла о незнакомце и целиком сосредоточилась на процессе.

Вот что она любила больше всего на свете, кроме своей семьи, разумеется, – Алла любила возвращать к жизни старую мебель.

– Ты, мамуль, не реставратор, а реаниматор, – с гордостью говорила Варвара, и Алла в душе была с ней согласна.

Это было прекрасно: наблюдать, как под твоими руками оживают вещи, которые кто-то списал со счетов и даже выкинул на помойку.

Свой первый стул Алла нашла именно там. Он стоял среди груды хлама такой одинокий, такой неприкаянный, как нищий аристократ в толпе оборванцев, что у Аллы защемило сердце, и она не смогла пройти мимо.

Она принесла свое сокровище домой, отодрала старую обивку, из которой торчали пружины и ключья ваты, и стала думать, что же делать дальше.

В течение недели наждачкой она сняла с дерева облупившийся лак, прошлась по поверхности морилкой в несколько слоев, пока не достигла нужного тона, и снова залакировала дерево.

А потом принялась за обивку. С первого раза у нее не получилось, и она испортила кусок пунцового бархата, купленный за немислимые деньги. В следующий раз она была осторожней, зашла с другого края и смогла закрепить ткань так, как хотела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.